

Алекс Норк

НОЛЬ ЧАСОВ

ПО МОСКОВСКОМУ
ВРЕМЕНИ

Новелла II

38

ПЕТРОВКА

УЛИЦА

Алекс Норк

**Ноль часов по московскому
времени. Новелла II**

«Автор»

2014

Норк А.

Ноль часов по московскому времени. Новелла II / А. Норк — «Автор»,
2014

ISBN 978-5-457-60552-7

Вторая новелла серии по материалам Дмитрия Шадрина. Рекомендуется читать ее после первой новеллы, где (и коротко в аннотации) указана структурное своеобразие текста, а также аудитория, которой следует (или «не») тратить на чтение время.

ISBN 978-5-457-60552-7

© Норк А., 2014

© Автор, 2014

Алекс Норк

Ноль часов по московскому времени. Новелла II

Коллекционеры.

Слово отдает культурой и даже некоторым благородством.

Это для дилетантов, а для профессионалов – почти наоборот.

Да, были отдельные бескорыстные собиратели, которые жертвовали потом коллекции в общенародную собственность. Братьев Павла и Сергея Третьяковых все знают, были и будут другие. Однако реальных коллекционеров целая армия. И армия эта, как бы сказать, очень нерегулярного состава. То есть полно там разного контингента, и в том числе – звериной породы.

Не очень-то удивляйтесь, разберемся, сперва, с категорией «коллекционер» психологически.

Кто он такой по натуре? Можно ли определить его одним словом?.. Можно: игрок. Потому что наращивать коллекции удается только существенно дешевле покупая, либо гораздо дороже купленного продавая, а чаще – присутствует оба действия вместе.

Но хотели бы вы, чтобы ваш отец, муж, брат... был игрок?

Сразу слышно дружное: «Не-ет!»

То-то, господа. Коллекционер – фанат своего ремесла, и, как у всякого фаната, близкие люди у него где-нибудь на четвертом месте, а вы – про культуру и благородство; ни то ни другое – за редким, разумеется, исключением – там и не ночевало.

Игрок, он рядом с другим понятием-словом: «барыга».

Рядом.

Конечно, оно не одно и то же.

Что еще можно сказать о психологии коллекционера?

Он фетишист. То есть предметы его собирательства, как правило, обожествляются, становятся объектами почти (иногда без «почти») культового обожания, оно же и – преклонения. А ради божества человек пойдет очень на многое.

И идут.

Поэтому армия коллекционеров, опять помимо некоторых внутри себя исключений, это армия мародеров.

Дальше спросим: как создается большинство коллекций?.. Нет, не у них спросим, они-то расскажут «на голубом глазу», что по наследству: прадедушка еще был собиратель, потом дедушка... хотя легко выяснить, что дедушка был всего лишь укладчиком на спичечной фабрике, а прадедушку, в молодые еще его годы, расстреляли за спекуляции хлебными карточками. Или по-другому как-нибудь складывалось, но похоже.

В действительности рынок антиквариата – самый хищный рынок. Здесь, не знающей истинной цены бабушке, постараются дать еще меньше, чем она, бедная, просит. Здесь вовсю обращается фальсификат (фальшак), но о нем чуть ниже.

Как и в прошлое советское время, в новую эпоху рынок антиквариата делится на легальный и теневой. Только раньше магазины с этим добром были государственными, а теперь они частные. Модель же поведения хозяев и служащих несколько не изменилась: шкурничество, рвачество, обман. Это не значит – везде и всегда и по каждому принесенному к ним предмету, – исключений, конечно, достаточно, ведь и на цыганском рынке могли продать вполне недорого хорошую лошадь, но «ухо» – и там и здесь – надо держать очень «востро»!

Ментовка, и советская и теперешняя, совсем не жаловала коллекционеров. И хлопоты в их среде имела те же самые: ограбление, либо убийство с ограблением.

– Убийство антиквара, Дима, – сообщил Михалыч, еще не до конца открыв нашу дверь.

– Ограбление?

– Вряд ли просто так убивали. Но детали узнаете с Алексеем на месте.

– А где?

– На Пречистенке. Готовьтесь на выезд.

Мы с Лёхой готовились уже совсем к другому – посидеть в любимом кафе парка Эрмитаж.

Время – без пяти семь.

А тут, такая работа.

Делать нечего – выезжаем через несколько минут, с нами, естественно, эксперт-фотограф. «Медицина» должна выехать следом.

Пречистинка недалеко – тут вдоль бульваров рукой подать.

Но пробки.

Причем на нашу милицейскую сирену мало реакций – людям просто некуда отодвинуться.

Доезжаем, в итоге, минут за двадцать.

Дома тут сталинских капитальных построек с очень дорогим метражом. А этот с уже отреставрированным фасадом. У подъезда – местная ментовская машина и прогуливается экипаж.

Старший докладывает: прибыли, так как племянница покойного потребовала вскрыть автогеном дверь. Больше ничего сообщить он не может. И вообще ему наплевать, у них тоже кончается смена, спрашивает с надеждою: «Больше мы не нужны?»

Прощаемся и поднимаемся на третий этаж, где нас ожидает та, значит, племянница.

Фотограф начинает щелкать уже на лестничной клетке, потому что есть что: у квартиры двойная защита – крупноячеистая впаянная решетка закрывает всю поверхность внутренней металлической двери, в решетке своя дверь – она приоткрыта, и приоткрыта внутренняя дверь – для нас, следует понимать.

Отмечаю: расстояние между решеткой и главной внутренней дверью – сантиметров десять-двенадцать.

В целом, отличная защитная композиция; тем более, нет сомнений, обе двери, когда хозяин уходит, ставятся на сигнализацию в ближайшем тут отделении.

А вот нам навстречу, услышав, наверное, голоса, появляется женщина.

Привлекательная – это без деталей первое впечатление.

Проходим внутрь, рассматривая женщину сзади, тут тоже всё хорошо.

– Марина Красовская.

И мы с Лешой представляемся, эксперт никогда этого не делает и уже приступает щелкать общие планы.

Женщина – с темными глазами шатенка. Возраст... сразу не поймешь, но какой-то уже не девчачий.

Проходим в большую комнату...

Угу, пожилой человек в откинутой в кресле позе... коротко остриженные волосы с заметной сединой, рот полуоткрыт... на столе белый кофейник на такой же белой подставке, две белые чашки – в каждой остаток кофе – у него и кого-то сидевшего сбоку.

Кофейные принадлежности привлекают к себе и непонятным мне образом говорят, что они непростые и совсем не дешевые.

Замечаю теперь золотые очень тонкие узоры на чашках.

Леша уже ответил на вопрос хозяйки о едущих вдогонку нам медэкспертах и спросил, как она определила, что смерть – результат убийства.

– По двум явным признакам. Понюхайте его чашку, там запах горького миндаля.

– А вы руками тут не очень?

– На столе вообще ничего не трогала. Понюхайте.

Леша осторожно подходит, чтоб не задеть труп.

Наклоняется и сильно тянет носом...

Утвердительно, с кислой миной, кивает мне головой.

Запах этот долго не держится, значит, смерть произошла, м-м, не более трех часов назад... ну, три с половиной.

– А сколько времени вы здесь, Марина...

– Сергеевна. Но можно просто по имени. Сейчас точно скажу, – она смотрит на ручные часы, – пятьдесят две минуты. Но это здесь, в помещении.

Потом, в машине, я скажу Леше: «Крайне спокойная дама при таких обстоятельствах». – «А коньяк? Я близко стоял. Знаешь, как от нее отдавало? Отличный, между прочим, коньяк, запахок – одно удовольствие».

– Пожалуйста, расскажите всю хронологию. И про второй признак убийства что-то хотели сказать.

– Есть еще третий.

– Какой?

– Самоубийство не совершают на следующий день после покупки нового автомобиля.

Но по порядку. Сегодня мы с моим будущим супругом подали заявление в ЗАГС и отмечали это событие в его ресторане, тут недалеко на Суворовском бульваре. Дядя в первой половине дня находился на антикварном аукционе. Я позвонила ему около двух часов дня, и он пригласил нас обоих во второй половине сюда к себе.

– Без точного времени?

– Да, он знал, что мы сначала отправимся отмечать событие в ресторан.

– Понятно.

Я уже рассматриваю эту комнату-полузал, где стол с несчастным хозяином занимает лишь небольшое место в центре, а всё остальное почти что музей: в двух углах огромные старинные китайские вазы – кажется, парные, на стенах не меньше десятка картин – что-то из Возрождения и из нашего времени; потом узнаю: здесь и Кустодиев, Филонов, Наталья Гончарова...

– Аллю, капитан, вы меня слушаете?

– Да, вы сказали: ваш жених поехать не смог и без чего-то шесть вы выехали сюда сами. На чём, кстати?

– К ресторану вызвали такси.

– А вот китайские вазы... – не выдержал Лёха, который тоже рассматривал это художественное изобилие.

– Восьмого века. Парные вазы из императорского дворца.

– И сколько, простите, они?

– Тысяч семьсот.

– В долларах?!

– Здесь всё в долларах, молодой человек.

Я дал знак Алексею не лезть, а даме кивнул продолжить.

– Приехав, я увидела автомобиль дяди недалеко от подъезда. Поднялась, на звонок в дверь никто не отвечает. Сигналю по пейджеру – никакого ответа. Тут я подумала – сердце!

У него стенокардия, полгода назад пролежал по этому поводу в госпитале, ну и решила – приступ, и надо срочно спасать.

Она остановилась и будто только сейчас увидела труп.

Замерла на несколько секунд... развернулась и пошла к ампириному шкафу на гнутых ножках.

– Коньяка хотите?

Мы отказались.

Дама очень быстро хлопнула рюмку и ничем не заела.

Шум на лестнице – бригада подъехала, должен прибыть медэксперт с двумя санитарами и дактилоскопист.

Леша пошел встречать.

– Про еще один признак убийства, – напомнил ей я.

– Да. И едва ли не основной. Там в соседней комнате, – она махнула рукой за спину, через внутреннюю открытую дверь просматривалась вторая большая комната, – портрет Рембрандта. То есть – был портрет Рембранда... простите, опять неправильно сказала: там портрет Рембрандта, но не тот – оригинальный, а фальсификат. Понимаете?... Фальшак.

Я понял, но на всякий случай ее слова повторил.

– Именно так, капитан.

– А как вы подмену определили?

В выражении ее лица почти ничего не изменилось, но эта маленькое «почти» показало, вполне ясно, что я ляпнул откровенную несурезицу.

– Во-первых, я сама художник. Во-вторых, знаю здесь всё наизусть. В-третьих, есть вещи, которые сразу бросаются профессионалу в глаза. Это не тот портрет.

Она вдруг потеряла прямую осанку, красивое ухоженное лицо изменило возраст, добавив сразу лет семь, – скрывавшееся нервное напряжение вышло наружу.

И обстановка вокруг изменилась от приехавшей компании – громкой, нецеремонной...

– Можно я оставлю ключи и поеду домой?

– Конечно.

Держать и расспрашивать человека в таком состоянии глупо, даже если отбросить соображения элементарной гуманности.

К десяти вечера мы все-таки добрались до Эрмитажа.

Но на квартире задержались еще около часа после ухода Марины. На прощание дактилоскопист попросил у нее «пальчики».

Труп скоро увезли, медэксперт почти сразу сказал, что в отравлении цианистым калием он не сомневается, смерть произошла почти мгновенно. Каким-то образом он заметил, что человек попытался подняться, но рухнул в кресло, откинувшись на спину.

– Дам дополнительную информацию после вскрытия, но на что-то новое-интересное особенно не надейтесь.

Дактелоскопист приступил к своему делу, а мы отправились рассматривать квартиру.

Трехкомнатная, две большие, одна маленькая.

В маленькой тоже кое-что стояло и висело, но обстановка тут была, так сказать, домашней. Небольшой письменный стол, кресло с торшером и удобная софа – этакое место отдыха хозяина от своего собственного музея.

Зато вторая большая комната оказалась интереснее первой.

Иконы – Лешка насчитал тридцать семь; несколько крупных крестов – пара из них таких древних, что восстановлены только частично; кубки церковные, в том числе с отделкой полу– или совсем драгоценными камнями, – эти были заперты в шкафу со стеклянными, но очень толстыми стенками; еще какие-то церковные атрибуты.

В иконописи я до сих пор ничего не понимаю, тогда – тем более, но от такой их близости и обилия что-то вроде раболепия мы ощутили – в хорошем смысле, вроде чувства высшего, надчеловеческого у нас возникало.

И время за этими осмотрами пролетело совсем незаметно.

Пошли на кухню, чтобы выпить чаю.

Приготовили быстро и позвали эксперта.

– А я как раз, слава богу, закончил. Тут, ребята, поработал вполне серьезный человек... ух, запах-то какой, что за чай?

Леша ткнул пальцем на банку с китайскими драконами.

Чай, вправду, оказался совсем особенным, и явно в нем были бодрящие компоненты.

Попили немного и эксперт продолжил:

– Значит так, на ручке внутренней двери отпечатки только покойного и племянницы. А с кофейными делами совсем интересно. Кроме чашки покойного – там его отпечатки – остальное затерто. На кофейнике и второй чашке ничего нет. И сразу скажу, бесполезно брать из второй чашки остатки на анализ слюны.

– Как так?

– А так, Дмитрий, что чашечку сначала промыли, потом протерли, принесли, держа через платок, и плеснули в нее чуть из кофейника.

– Это как вы определили? – Леша даже слегка обиделся от такой проницательности.

– Двадцатилетний опыт подсказывает кое-что. Но вы всё равно проверьте.

– Конечно проверим, иначе нам начальство по головам наступит.

Можно было уходить.

Я позвонил в местное отделение и поставил квартиру на охрану, предупредив – если что, нести сюда сразу стрелой.

Потом аккуратно упаковали как «вещественное» вес кофейный набор, и мародер Лешка прихватил банку с тем самым чаем.

Бухнулись за столик в «Эрмитаже», заказали сосиски – они дешевые – и по графину пива.

По дороге, мне показалось, за нами вяжется синий фордик, и когда выехали на Петровку, он обозначился сзади. Потом мы пошли в контору, про фордик я забыл, и он о себе не напомнил, когда через пятнадцать минут мы наискосок перебежали улицу сюда в «Эрмитаж».

А сейчас почему-то отметил, что через столик от нас устроился лысоватый крепкий мужик годов под сорок... но больше интересовало, что сейчас нам поесть принесут и пивка.

– Дим, ты про цену Рембрандта успел у нее спросить?

– Успел. Когда прощались и телефон записывал.

– Ну?

– От восьми миллионов зеленых.

– Ну, блин...

А вот и графинчики!

Начинаем с удовольствием пить.

И скоро приносят горячие сосиски с горохом.

– Дим, но это же был кто-то из близких знакомых.

Мы доели и уже спокойно попиваем пиво.

– Определенно. И пришел он без приглашения. Зашел на огонек, что называется.

– Как ты это вычисляешь.

– Смотри, тут одно доказывает другое. Дядя пригласил племянницу с женихом, когда им будет удобно в вечернее время. В таких случаях – а мероприятие сугубо семейное – другим на вечер приглашение не дают.

– Логично.

– Вот. Значит, человек пришел сам. То есть – имел как бы моральное право запросто заскочить. Значит, из близких. И его приняли и угостили кофе.

– Простите, – я вдруг услышал со стороны.

Рядом стоял тот мужик.

Он еще раз повторил извинение и представился...

Мы оба молчали немножко пришибленные удивлением – директор частного детективного агентства? Что-то слышали, но не имели пока с такими организациями дела.

Пауза могла превратиться в неловкость.

– Да вы присаживайтесь.

– Благодарю.

А морда вполне ничего.

Не поймешь, правда, умная или хитроватая.

– Должен извиниться, что увязался за вами от самой Пречистенки...

– Синий фордик?

– Приятно иметь дело с профессионалами.

– А вы, если не секрет, в какой системе работали?

– КГБ, внутренняя контрразведка.

Лёха издал уважительный полусвист.

– Ну и караулил вас, чтобы поделиться кое-какой информацией.

– Заранее благодарны, может быть, что-то выпьете?

– Да я уже чашку кофе выпил, пока достаточно. Приступлю?

– Внимательно очень слушаем.

– Дело касается Марины Сергеевны Красовской, за которой ее жених неделю назад заказал нам вести наблюдение.

Мы опять удивились, и вопрос у меня вылетел сам:

– На предмет интимных связей?

– Именно. Дело конфиденциальное, но когда мой наблюдавший сотрудник сообщил про милицию – он за ними вслед поднимался, про труп на носилках из той квартиры... ну, сами понимаете, мы же не подпольщики какие-нибудь, и обязаны сотрудничать с властью. К тому же, это не может нанести ущерба клиенту.

Я покивал головой, а он продолжил:

– Итак, неделю назад господин Страхов Артем Олегович подписал в моем кабинете контракт на контроль за указанной дамой в течение трех недель. Мы добросовестно всё выполняли.

– Что-нибудь обнаружилось?

– Пока ничего.

– Неделя... он конкретизировал свои подозрения?

– Нет. Я, разумеется, спрашивал, но не настаивал, раз клиент не желает говорить о мотивах.

Что-то зацепило меня слегка... или оно показалось.

– Но я думаю, вам интересна будет информация по сегодняшнему дню.

– Да-да, конечно.

– С утра была дома, к двум часам отправилась в ЗАГС...

– У нее своя машина?

– Красная Шкода. Там они встретились, пробыли около двадцати минут и, каждый на своем авто, отправились к ресторану Страхова на Суворовском бульваре. У него, кстати, два ресторана, второй в конце Пречистенки у Садового кольца.

– Не слабо. Дим, возьмем еще один графин на двоих?

– Закажи. Ваш сотрудник попал в тот ресторан?

– Ну, разумеется, – наш новый друг несколько разочаровано развел руками, – у них у каждого алиби.

– Не отлучались?

– Она два-три раза выходила в туалет минут на пять, он – так же. Всё остальное время сидели в зале.

– Много пили?

– Совсем немного. Обедали, болтали, угощались десертами. Без десяти шесть за ней прибыло такси. Наш сотрудник отправился следом, но успел заметить: управляющий принес Страхову какие-то бухгалтерские бумаги, они стали что-то по ним обсуждать.

Я взглянул на визитную карточку, чтобы не ошибиться в имени гостя.

– Аркадий Николаевич, хотелось бы рассчитывать на дальнейшее сотрудничество с вами.

– Конечно, но... как бы, это подразумевает взаимность.

Я сразу понял о чем.

– Да, я расскажу про это убийство. Но сотрудничество, я имел в виду, именно между мной и вами. Моего начальства...

– Это совершенно не коснется.

Человек мне нравился. В МВД всегда недолго любили гэбистов, но и всегда понимали, что отбор людей там значительно строже нашего, и это в первую очередь касалось умственных и психологических качеств.

...

Мой рассказ занял немного времени, но я обещал дополнить информацию после завтрашнего опроса Красовской.

– Завтра у вас может не получиться.

– То есть?

– Ее жених погиб около восьми вечера – влетел в бетонный фонарный столб на Фрунзенской набережной.

Леша поперхнулся пивом... и мне сделалось очень не по себе – сразу представилась женщина с усталым лицом и фигурой, потерявшей прежний изящный вид...

– Вы завтра сами в сводках прочтете, а я получил информацию час назад из своего бывшего заведения, туда ведь тоже всё в обязательном порядке приходит.

Леша вытер мокрый от пива подбородок.

– Бедная женщина, ну надо же чтоб всё вместе...

Человек, качнув головой, вроде не вполне согласился.

И чуть подождав, произнес:

– В буквальном смысле бедной ее назвать нельзя. Мы проверяли по нотариальной линии – она наследница дядиного состояния. А там и без Рембрандта, вы сами сейчас говорили, добра на всю жизнь ей хватит.

Алексея это не убедило.

– В день помолвки, ну как же так...

А на гостя его реакция не подействовала:

– Лейтенант, бывает и хуже. У меня тетка в деревне, во Владимирской области. Вымирают люди, – он повысил голос, – вы-ми-рают! А как, простите, вымирают от элементарного

отсутствия продуктов питания и лекарств? Бога молят, чтобы быстрее забрал! – Он чуть успокоился. – Я, конечно, помогаю, но всей деревне помочь не могу.

Время для большинства граждан действительно стояло страшное. Вечно полупьяному Ельцину было наплевать на народ. Пенсии во многих провинциях не платились, или – частично и с большим опозданием. Некоторые бюджетники тоже два-три месяца ни копейки не получали, хотя и когда получали, хватало только на хлеб, картошку и сахар. У врачей и медсестер случались голодные обмороки, последнее люди отдавали детям. Но народ безмолствовал, то есть возмущались, жаловались друг другу, но чтобы скинуть поганый убивающий их режим не только в действиях, но и в мыслях этого не было. А когда через год вспыхнет московское народное, в полном смысле, восстание, в провинциях будут говорить: «Да чтобы они там в Москве все друг друга перебили». О восстании октября 1993 года мы еще расскажем – оно не было коммунистическим (Зюганов, с прочим руководством КПРФ, просто спрятался), оно не было фашистским – антисемитские, например, лозунги мало звучали (в основном ими отличался известный долдон генерал Макашов). Восстание не было поддержано по России нигде!

А вымирать продолжали.

Миллионами.

Что же мы за народ?..

Вот отрывочек из Бердяева: «У русского народа есть государственный дар покорности... Великая беда русской души... в женственной пассивности, переходящей в "бабье", в недостатке мужественности, в склонности к браку с чужим и чуждым мужем. Русский народ слишком живет в национально-стихийном коллективизме, и в нем не окрепло еще сознание личности, ее достоинства и ее прав». Национально-стихийный коллективизм, о котором здесь говорит Бердяев, заключается именно в приоритете некоего общего, в итоге – государственного, над личным, в понимании государства как высшей ценности, а человека – для его существования средством. Во всем неварварском мире дело давно обстоит прямо наоборот. И соответственно, два разных, два противоположных чувства возникают там и здесь к государству: ущемленный и, вместе с этим, самоуничижительный человек начинает не любить созданного им государства-идола, бессознательно винить его в таком своем состоянии; и напротив, созданное из любви к себе, ради себя государство воспринимается, при любой частной критике, все-таки как родное. Замечательный предшественник Н.А. Бердяева философ В.С. Соловьев очень подчеркивал значение любви человека к себе – не в пошлом смысле, а в приоритетности своего значения, – писал: как же может человек выполнить главную заповедь «Полюби ближнего как себя самого», если самого себя он не очень любит. Даже слово «эгоизм» Соловьев считал несправедливо дискредитированным.

– Сколько погибшему было лет?

– Сорок шесть. Это у него второй уже брак, – майор, именно это звание имел наш гость, поправился: – был бы.

Договорились о контактах – перезвонкой, когда мало чего сказать, либо личными встречами.

Гость попрощался, а мы еще задержались.

...

– Дим, как допрашивать-то ее завтра?

– Даже не представляю себе. Перенесем, наверное. В столб на тротуаре... что же он – сильно хватанул перед стартом?

– Завтра из сводки узнаем. А мужик, Аркадий этот, ничего, да? Жалко все-таки, что так шерстят КГБ.

Ельцин боялся КГБ, состоявшего еще из советских кадров, и направил туда некую мелкую личность – Бакатина – с прямым заданием раскадрировать систему и, конечно же, взять под контроль все архивы – особенно недавние.

К тому у него были личные основания.

У этого типа отсутствовал на руке один палец – как бы обрублен (а может быть, и не как бы).

Сам Ельцин (лгун, как все номенклатурные коммунисты), рассказывал: он палец потерял, когда лет в четырнадцать или пятнадцать баловался с гранатой, и вот взрыватель от нее хлопнулся в его руке. А гранату, дескать, достал, пробравшись ночью на местный военный склад. Так, внимание! Шла война, военные склады находились под строгой охраной, по пробравшемуся ночью на территорию – а надо было еще попасть в одно из закрытых складских помещений – стреляли бы на поражение сразу, и каждый охламон это знал. Так что же за нужда такая погнала уже немаленького парня реально рисковать жизнью. И зачем граната? Побаловаться взрывателем? Он, что, от рождения идиот?.. Нет. Умным Ельцин, конечно, не был. Но хитрым – да, а для этого тоже нужны мозги. Наконец, смелым Ельцин никак не являлся. Когда в 89-м его исключали отовсюду за антипартийное поведение (защитил от окончательного «выноса вон» Горбачев), Ельцин униженно заверял в своей коммунистической преданности, чуть не плакал, чтобы не лишили номенклатурных харчей. А в 91-м году, при путче, просто был охвачен страхом ареста, впал в оцепенение, и только когда его Хасбулатов, силой почти, привез с дачи к Белому дому и он увидел огромные толпы в свою поддержку, Белый дом, бурлящий от журналистов и депутатов, и даже самого Ростроповича, прилетевшего из Парижа, когда почувствовал мощные силы на своей стороне и ноль общественной поддержки у путчистов, – вот тогда трус превратился в орла.

Но пусть, примем гранатную версию.

Однако сразу возникает серьезная техническая проблема – со взрывателем.

Дело как раз в том, что это довольно-таки удароустойчивая штука. Во всяком случае, вертеть ее в руке вы можете сколько угодно – нет, не взорвется; постукивать о что-нибудь тоже можно. Ну если сильно колотить... опять неувязочка: он у себя за спиной, так делал? Чушь. А если перед собой – там близко лицо и оно, прежде всего глаза, обязательно пострадало бы. Представляете – отрывается палец, а в другие стороны, что, действия никакого нет?

У нас в Министерстве поговаривали совсем о другом: очень рослый, крепкий юнец состоял в банде, и там, за какое-то крупное нарушение, пальчик ему и тяпнули топором – это их типичное наказание. Вот так думали некоторые профессионалы.

Расстались мы с Лешей в невеселых завтрашних ожиданиях.

Девять утра. Я уже в кабинете Михалыча.

– А предположим, когда вскрыли дверь и она оказала ему помощь, тот очухался, а потом...

– Нет, местная милиция была при вскрытии двери, вместе вошли. Они мне не только про труп сказали, но и про запах в кофейной чашке.

– А из ресторана могла отлучиться?

Тут я хитрю, чтоб не выдать не вполне законную связь с частным агентством:

– Заехали мы с Алексеем вчера в ресторан, всех служащих опросили – не отлучались надолго ни он, ни она.

– А Рембрандт, говоришь, на восемь миллионов тянет?

– Если не больше.

У подполковника на столе сводки и результаты экспертиз.

– В крови-то у него алкоголя совсем немного. Дим, может, он был сердечник?

– Спрошу.

– Когда думаешь с ней связаться?

В дверь просовывается Лешкина голова и с интонацией из ненашего мира произносит:

– Она-а, звонит по телефону.

Начальник сразу показывает мне рукой, чтобы шел.

Иду.

Лешка показывает на ожидающую трубку телефонного аппарата, которую я и так вижу.

– Здравствуйте, Марина Сергеевна. Совершенно не собирался сегодня вас беспокоить, и примите от меня...

На другом конце торопливо говорят, что надо встретиться, что лучше быстрее.

– А где бы вы хотели?

... предлагает на квартире у дяди, у нее дома беспорядок, а к нам подъехать – машина осталась у ресторана...

– Хорошо-хорошо, тем более – должен отдать вам ключи. Буду там через тридцать минут.

Приезжаю на пять минут раньше.

Поднимаюсь.

Она уже прогуливается по площадке, движения резковатые, нервные.

Я еще из Министерства позвонил в местное отделение, чтобы не дергались – скоро буду открывать дверь. Металлическая дверь закрыта только на один верхний замок – он захлопывается, второй, ниже, срезан автогеном.

И вчера еще заметил, замок внешней решетки тоже не тронут.

– Марина Сергеевна, вы где вчера ключи обнаружили?

– Изнутри, в нижнем замке.

– Который срезан?

– Да. Он обычно всегда их там оставлял.

– А который на защелке почему цел?

– Он был не закрыт, просто внутрь оттянут.

Помогаю ей снять меховую куртку и чувствую – плечи слегка подрагивают.

– Давайте пройдем в ту комнату.

– Где иконы?

– Да.

Она идет вперед.

Входит и крестится на иконы, поворачиваясь от стены к стене... шепчет что-то...

Я вдруг начинаю бояться – а не лучше ей сейчас полежать в больнице под успокаивающими уколами.

Или...

– Марина Сергеевна, не выпить ли вам немного коньяка? Просто понизить нервное напряжение.

– Да?... Я вчера перебрала, голова побаливает.

– Так тем более.

– Да?... Хорошо.

Идет в ту первую комнату.

Что-то там открывается и слегка звенит.

...

Через пару минут тишины слышу:

– Не могли бы вы сюда пройти?

Коньяк подействовал, но и энергетика упала, как падает звук от спущенных струн; женщина сидела у стола в кресле почти что без сил.

Я сел сбоку рядом.

– Этого не может быть.

Понял – про катастрофу, но в каком смысле «не может»?

Впрочем, переспрашивать не понадобилось.

– У него же мало было алкоголя в крови, так?

– Мало.

– И он отлично водил машину.

– А если сердце?

– Отлично работало. Он ходил в спортивный зал два-три раза в неделю.

Слова ее сейчас произносились медленно, иногда – с интервалами.

– Это невозможно, господин капитан. Простите, кажется, Дмитрий?

– Да, называйте по имени.

– Вы меня тоже.

– Хорошо, Марина. Но тогда, какие у вас предположения?

– С ним что-то сделали, не знаю... подсыпали, подлили... я не знаю...

– Были враги?

– Управляющий того ресторана...

– На бульваре, где вы отмечали помолвку?

– Да. Он наглый жулик. Наглый и глупый. А глупые негодяи вдвойне опасны.

Мысль мне понравилась, я ей кивнул, и не к месту, кажется, улыбнулся.

– Артем хотел с ним расстаться. Причем не просто, а с проведением аудита. Говорил: закрою ему вообще доступ к такой работе.

– Как именно?

– Ну, новые хозяева наводят справки – звонят обязательно на прежнее место службы.

Нужна тщательная экспертиза крови, понимаете? Подробная, а не просто на алкоголь. Я напишу заявление. На чье мне имя?

– Заявление, конечно, не помешает.

– Тогда прямо сейчас.

– Прямо сейчас давайте сварю вам кофе. И себе заодно. А чай, простите, мой сотрудник вчера увел – вроде как покойному не понадобится.

– На здоровье, – она улыбнулась, лицо стало немножко живее.

Я сходил на кухню поставил греть кипяток и вернулся.

Лицо у нее, действительно, стало менее анемичным, но главным его выражением была тоска.

– Скажите, Марина, кто из знакомых вашего дяди мог запросто зайти к нему?

– А почему вы считаете, что запросто? Могла быть предварительная договоренность.

– Но он ведь ожидал вас.

Она пожала плечами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.